ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

DOI: 10.17805/zpu.2015.3.14

Регионализм и регионализация в Восточной Азии

В. И. БАЛАКИН

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В последнее десятилетие для анализа политических, социально-экономических процессов в Восточной Азии исследователи стали использовать концепцию «нового регионализма». Восточноазиатский процесс «нового регионализма» отличается исключительной сложностью взаимоотношений между крупными державами как внутри самого региона, так и на глобальном уровне, а также имеет характер диалектического соотношения регионализма и регионализации.

Восточноазиатский регионализм отличается целенаправленной политикой местных заинтересованных государств, предусматривающей развитие в регионе процесса сотрудничества и придание ему системного характера без какого-либо внешнего влияния. Процесс стимулируется двумя крупнейшими державами — Китаем и Японией. Процесс регионализации рассматривается как своеобразный «наполнитель» конкретным содержанием региональных процессов, в частности, стимулирующего более тесную экономическую взаимозависимость участников, укрепление деловых связей, осознание общей цивилизационной идентичности.

Концепция региональной интеграции в Восточной Азии сегодня отличается большим вниманием к процессам межправительственного сотрудничества и институционального строительства. Опираясь на коммерческую и инвестиционную активность неправительственных участников регионального взаимодействия, восточноазиатские государства делают ставку на формирование благоприятных политических условий, в рамках которых минимизируется возможность политических конфликтов.

В кругах западных экспертов восточноазиатская модель регионализма рассматривается в качестве заметного этапа разрушения американской модели глобализации, отвергающей любые успешные проекты региональной интеграции. Определяющее воздействие на регионализацию Восточной Азии оказывает Китай, стремящийся добиться в Восточноазиатском регионе формирования целостной системы регионализма прежде всего в экономической и культурной сферах, но не затрагивая при этом военно-политических аспектов возможной будущей интеграции.

Анализ развивающегося процесса восточноазиатской интеграции показывает, что начинает проявляться новая тенденция развития региона, ориентированная на образование здесь единого экономического блока, в основе становления которого заключены антиамериканские настроения. Названный процесс в обозримой перспективе ведет к фундаментальным геополитическим изменениям, когда пространство Восточной Азии будет развиваться опережающими темпами. Восточноазиатская экономическая интеграция также затрагивает и национальные интересы России, которая должна будет до-

бываться уже на нынешней стадии достойного места в рождающемся сообществе. При этом российская экономика должна стать объективно интересной восточноазиатским государствам.

Ключевые слова: Восточная Азия, региональная интеграция, новый регионализм, регионализация, АСЕАН, Китай, Япония, США.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие модели восточноазиатского регионализма, на которые сегодня стали обращать пристальное внимание международные эксперты, вступили в достаточно жесткую конкуренцию между собой (Абрамова, Абрамов, 2006: 79). По сравнению с Европой и Северной Америкой уровень институализации регионального сотрудничества в Восточной Азии значительно ниже. Кроме того, восточноазиатский регионализм имеет много характерных особенностей, позволяющих утверждать, что в регионе формируется концепция «нового регионализма» (Ямакагэ, 2013: 3). Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., затронувший в первую очередь Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Республику Корея, рассматривается правительствами восточноазиатских государств как уже состоявшийся серьезный вызов, стимулирующий программы достижения национальной стабильности и экономического процветания.

Концепция «нового регионализма» появилась во многом вследствие неспособности общей классической теории интеграции объяснить высокую эффективность процессов самого широкого взаимодействия, повсеместно наблюдавшуюся в Восточноазиатском регионе в межкризисный период 1998–2008 гг. Незападные международные эксперты, анализируя концепцию «нового регионализма», предлагают достаточно веские аргументы в пользу ее более адекватного отражения действительности по сравнению с традиционной теорией международных отношений. В Восточной Азии практически все государства больше всего опасаются возможных угроз со стороны соседей, в результате чего интенсивность региональных отношений заметно превосходит общемировую. Крупные державы всегда использовали застарелые региональные конфликты между соседями, чтобы выстроить собственный геополитический курс. Восточноазиатский процесс «нового регионализма» отличается исключительной сложностью взаимоотношений между крупными державами как внутри самого региона, так и на глобальном уровне (Hentz, Voås, 2003: 48).

Восточная Азия сегодня имеет высокую степень автономии и политически слабо контролируется великими державами. Вместе с тем Китайская Народная Республика (КНР) в рамках своей региональной стратегии активно использует местные китайские этнические общины (хуацяо) для достижения важных стратегических целей, например для борьбы с региональными конкурентами из числа крупнейших государств.

В данном контексте представляется весьма интересным прояснить, каким образом авторы концепции «нового регионализма» позиционируют ее в области науки о современных международных отношениях, включая их региональный аспект (Albertin, 2008: 16). Следует также подчеркнуть, что «новый регионализм» проявляет себя в виде глоболизирующей регионализации и, как правило, постоянно нацелен на структурное переустройство регионального и мирового геополитического ландшафта. При этом стандартные рационалистические подходы к объяснению мировой политики выглядят абстрактными, а их авторы акцентируют незаслуженно большое внимание на необходимости соблюдения послевоенного мирового порядка, который до сих пор

обеспечивается полным доминированием национальных интересов одной-единственной державы — Соединенных Штатов Америки. Интеграционные процессы сегодняшнего дня представляются значительно более многомерным явлением, не поддающимся единой и окончательной типологизации, поскольку та или иная региональная модель интеграции не может автоматически переноситься на другие регионы, всегда отличающиеся по своим политическим, экономическим и культурным традициям (Baldwin, 2008: 41).

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Анализируя идею «нового регионализма», укрепляющегося в Восточной Азии, отдельные международные эксперты приходят к выводу, что не существует окончательно сложившихся регионов, а их идентификация исходит от сути рассматриваемой проблемы или формулирования изучаемого вопроса. Во многом все зависит от того, как трактуется регион, поскольку в зависимости от этого появляется возможность отойти от чисто географического подхода и взять за основу функциональный принцип (Baldwin, 2008: 14). Сторонники концепции «нового регионализма» для Восточной Азии (Ж. Альбертин (G. Albertin), Р. Болдуин (R. Baldwin), Дж. Хентз (J. Hentz), Р. Лоуренс (R. Lawrence), Е. Мансфилд (E. Mansfield)) противопоставляют западному, преимущественно материальному подходу к определению региона абсолютно иное видение, которое можно охарактеризовать прежде всего как цивилизационное, когда местные этнические сообщества и национальный бизнес подчиняются не столько «писаному международному праву», сколько исторически устоявшимся традиционным воззрениям. Важным обстоятельством является то, что восточноазиатские элиты считают серьезным достижением подобного подхода формальную институализацию внутри регионального взаимодействия. В данной связи концепция «нового регионализма» включает в себя устойчивую диалектическую связь между собственно регионализмом и регионализацией.

Понятие регионализма предполагает целенаправленную политику заинтересованных государств, предусматривающую развитие в регионе процесса сотрудничества и придание ему системного характера. Восточноазиатский регионализм отличается несколькими важными особенностями, а именно: концепция восточноазиатского регионализма предполагает целенаправленную политику местных заинтересованных государств, предусматривающую развитие в регионе процесса сотрудничества и придание ему системного характера без какого-либо внешнего влияния; региональная интеграция должна стать объективно интересной восточноазиатским государствам; названный процесс стимулируется двумя крупнейшими державами — Китаем и Японией; геополитические концепции обоих государств предполагают жесткую борьбу за единоличное лидерство; взаимоотношения между региональными участниками процесса выстраиваются преимущественно на межправительственном уровне (Hatch, Yamamura, 1996: 11). Регионализм в Восточной Азии во многом связан с последовательным формированием координирующих институтов, нацеленных на выработку согласованной внутрирегиональной, а в отдельных случаях и внешнерегиональной политики.

Что касается *регионализации*, то этот процесс является, как правило, менее управляемым и часто приводит в результате к стихийному и мало предсказуемому действию объективных экономических сил. Устоявшаяся среди восточноазиатских экспертов

точка зрения трактует процесс регионализации в виде своеобразного «наполнителя» конкретным содержанием региональных процессов, в частности стимулирующего более тесную экономическую взаимозависимость участников, укрепление деловых связей, осознание общей цивилизационной идентичности.

Важной особенностью «нового регионализма» восточноазиатского типа является состав его приверженцев, включающий государства и региональные межправительственные организации, но при этом явно игнорируются частные экономические структуры и тем более неформальные общественные движения в любой юридической форме. Интересы региональных политических элит материализуются главным образом через торговое сотрудничество, уровень и интенсивность которого варьируются в зависимости от его соответствия приоритетам внутренней политики участвующих государств. Однако в Восточной Азии основной движущей силой развития в последнее время начинает выступать регионализация. Она постепенно выводит на региональную политическую арену набирающие силу неправительственные организации, финансовой основой которых зачастую выступают подконтрольные КНР местные китайские общины (хуацяо) (Byung-Joon, 2004: 19). Это отнюдь не означает, что они бездумно стремятся расширить собственную автономию от действующих правительств, но вместе с тем Пекин всегда имеет гарантированную возможность по названным каналам осуществить реальное воздействие на любые региональные структуры. В период азиатского финансового кризиса 1997/1998 гг. Китай таким образом добился принятия межгосударственного соглашения о мерах по совместному предупреждению кризисных явлений и ограничению негативного влияния глобализации на Восточноазиатский регион.

Важным элементом теории «нового регионализма» является признание многоуровневой и многослойной системы интеграции. Нижний уровень, как правило, представляет собой интеграцию так называемых субнациональных субъектов в рамках приграничной торговли. Наглядным примером может служить интеграционное взаимодействие южных провинций КНР и Сянган (Гонконга). Подобная интеграция преимущественно развивается без юридической формализации процесса сотрудничества, но обязательно поддерживается государством, выдающим в таких проектах (АСЕАН для Юго-Восточной Азии и «Большой Туманган» для Северо-Восточной Азии) реальную перспективу распространения своего влияния на сопредельные территории. Такой подход постепенно формирует у участников общие взгляды на любой региональный проект и придает ему «региональную целостность» (Фунабаси, 2012: 329).

Идентичность Восточноазиатского региона постепенно складывается в сознании живущих здесь людей, а ее источники вызревают на основе цивилизационной близости, формирующейся общей истории, разделяемых религиозных воззрений и устоявшихся языковых традиций. В региональных сообществах всегда должны присутствовать общие позитивные смыслы, которые осознает местное население и которые придают процессам сближения непрерывный характер, активно способствуют их стандартизации. Вместе с тем региональная идентичность может складываться и в рамках противодействия попыткам внешних сил влиять на региональную политическую ситуацию в Восточной Азии (Mansfield, Reinhardt, 2003: 836). Так, на региональном уровне наблюдается серьезное несовпадение приоритетов азиатских и «англосаксонских государств» при реализации концепции восточноазиатского «нового регионализма». В данной связи названный регионализм можно трактовать как «за-

крытый», поскольку отсутствует комплекс мер доверия в военной области, а на региональных встречах представители правительств никогда официально не обсуждают такие ключевые проблемы, как тайваньская и мир на Корейском полуострове.

«НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ» В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Опыт восточноазиатского «нового регионализма» показывает, что создание институтов регионального международного сотрудничества вступает в период серьезных кризисных явлений. Как правило, снимаются ранее существовавшие ограничения в экономической и политической сферах, появляются стимулы к более широкому взаимодействию. Концепция «нового регионализма» в Восточной Азии отражает сегодня его сфокусированность прежде всего на самом процессе сотрудничества, а не на его конкретном результате. Разнятся и экспертные оценки восточноазиатских интеграционных институтов: западные эксперты считают их неэффективными, а восточные специалисты, наоборот, подчеркивают в качестве позитива их неформальный характер. В целом последнее связано с опасениями стран ЮВА в отношении возможного доминирования в региональных интеграционных объединениях внерегиональных великих держав (Baldwin, 2014: 12).

Концепция региональной интеграции в Восточной Азии сегодня отличается большим вниманием к процессам межправительственного сотрудничества и институционального строительства. Опираясь на коммерческую и инвестиционную активность неправительственных участников регионального взаимодействия, восточноазиатские государства делают ставку на формирование благоприятных политических условий, в рамках которых минимизируется возможность политических конфликтов. Местные региональные элиты начинают налаживать широкие связи с целью естественным образом подтвердить один из основных постулатов «нового регионализма», гласящий: в условиях глобализации государства все более тесно объединяются в региональные союзы, идя навстречу пожеланиям более бедных стран Восточной Азии. В данном контексте восточноазиатские региональные границы постепенно размываются вследствие стремления даже государств из соседних регионов присоединиться к наиболее успешным проектам того же АСЕАН. Последствия финансового кризиса 2008 г. делают названные попытки все более настойчивыми и стимулируют формирование достаточно многочисленных межрегиональных связей, объем которых делает практически невозможным доминирование в регионе какой-либо одной великой державы.

С этой точки зрения США вряд ли стоит рассчитывать на легкий успех в реализации заявленной ими стратегии о переносе в АТР основных усилий американской внешней политики. Имеющаяся практика уже показывает, что Вашингтону в обозримой перспективе скорее всего не удастся реализовать названную стратегию, поскольку, опираясь на более закрытую модель, Пекин несомненно выйдет на лидирующие позиции в формировании восточноазиатского «нового регионализма» (Athukorala, Yamashita, 2006: 240). Исходя из имеющихся международных экспертных оценок, даже в отдаленной перспективе в Восточной Азии не следует ожидать создания каких-либо наднациональных институтов. В этой связи Соединенным Штатам Америки будет крайне трудно эффективно приобщиться к интеграционным процессам в Восточноазиатском регионе, а упуская время, вашингтонская администрация не сможет рассчитывать на политические и экономические дивиденды от взаимодействия с региональными государствами, которые все теснее завязываются на взаимовыгодные схемы сотрудничества, предлагаемые Китаем. Сплачивая вокруг себя страны ре-

гиона, КНР умело и достаточно избирательно «продает» наиболее преданным из них право интегрироваться в масштабные проекты, осуществляемые на китайском внутреннем рынке.

Восточноазиатская региональная интеграция в теории представляется процессом мирного объединения государств в экономической и общественной сферах, когда стираются национальные границы и развиваются широкомасштабные контакты на всех уровнях. При этом акцент делается на добровольном и сознательном характере сближения, а интеграция рассматривается как явление, основанное на демократических принципах и рыночных отношениях, что объективно способствует наиболее тесному и устойчивому взаимодействию реально заинтересованных государств. Применительно к Восточной Азии приоритетный интерес представляют интеграционные подходы, которые направлены прежде всего на изучение объективных предпосылок углубления сотрудничества участвующих стран, готовых отказаться от части своего национального суверенитета в пользу неких экономических преимуществ при сохранении национальной идентичности. В отличие от Европы восточноазиатская интеграция никогда не будет ставить перед собой задачу превратить Восточную Азию в некое региональное федеративное образование (Lawrence, 1999: 29). В Восточноазиатском регионе в обозримой перспективе вообще невозможна постановка вопроса о сверхгосударстве, поскольку в нем заметно усложнятся функции легитимации, что приведет к усилению разрыва между этническими группами населения и правящей наднациональной элитой.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Наиболее важным процессом, развивающимся в Восточной Азии, выступает сегодня региональная интеграция. Восточноазиатская модель регионализма рассматривается в кругах западных экспертов в качестве заметного этапа разрушения американской модели глобализации, отвергающей любые успешные проекты региональной интеграции. Глобализация по-американски абсолютно не терпит регионализацию международных отношений и уж тем более передачу отдельных государственных функций интегрирующихся стран на наднациональный уровень вне эффективного контроля со стороны США. Негативные вызовы американской модели глобализации заставляют многие регионы мира искать собственные формы защиты региональных интересов, включая возможность создания местных международных институтов, позволяющих обсуждать и согласовывать на высшем государственном уровне реальные способы гармонизации региональной правосубъектности. Определяющее воздействие на регионализацию Восточной Азии оказывает Китай, стремящийся добиться в Восточноазиатском регионе формирования целостной системы регионализма прежде всего в экономической и культурной сферах, но не затрагивая при этом военно-политических аспектов возможной будущей интеграции.

В китайском понимании регионализация Восточной Азии должна носить цивилизационный характер, но отнюдь не в рамках американской глобальной внешнеполитической доктрины. Восточноазиатский регион в перспективе должен выделиться и оформиться как «большое суверенное пространство», чья экономическая, а затем и военно-политическая мощь (основанная на совокупной национальной мощи КНР) должна быть способной противостоять мировому гегемону в лице США. В Пекине названный вектор рассматривают в качестве эффективного способа избежать военных

конфликтов между восточноазиатскими государствами и к тому же своеобразного стимулятора, поощряющего создание новой политической системы в рамках отдельного региона (Winters, 1996: 15).

В общей теории по данному поводу можно найти по крайней мере три подхода к региональной интеграции: межправительственный, институциональный и коммуникативный. В первом случае приоритетная роль отводится национальным государствам, в результате взаимодействия которых появляется благоприятная среда, влияющая на объективное возникновение общих надгосударственных институтов. Институциональный подход представляет собой постепенную эволюцию национальных практик взаимодействия региональных институтов, которая ведет к естественному созданию многоуровневой системы взаимодействия, но с различными центрами принятия окончательных решений. Коммуникативный подход трактует региональную интеграцию как долгий и постепенный процесс создания межэтнических общностей посредством их взаимовыгодного сотрудничества в вызывающих практический интерес областях и ведущего в перспективе к формированию единого цивилизационного центра, координирующего работу всех участников.

Вместе с тем стратегия США в Восточной Азии ориентирована на безусловное внедрение западной модели регионализма, в основе которой лежит так называемая теория субсидиарности. В рамках данной теории приоритет отдается правам и интересам отдельной личности, а права и интересы сложившейся общности намеренно игнорируются. Главной целью является разрушение традиционного государства в его конфуцианской ипостаси и насильственный переход к наднациональному, региональному объединению стран и территорий под идеологическим контролем американских ставленников (Szczudlik-Tatar, 2013). Жесткая вертикаль наднациональной власти, замена устоявшихся взаимозависимостей, четкое распределение прав и обязанностей по исполнительной вертикали сверху донизу, делегирование важнейших полномочий на места, где они могут использоваться достаточно эффективно по указке извне. Начальным этапом американской модели регионализации должен выступить интеграционный процесс, развивающийся от получения участниками ощутимой экономической взаимовыгоды до «добровольного» создания ими устойчивых наднациональных политических институтов, действующих по единому плану из некоего внешнего управляющего центра.

Китайская интеграционная модель для Восточной Азии принципиально отличается от того, что пытается навязать региону США. По замыслу руководства КНР, восточноазиатская интеграция должна носить исключительно экономический характер и включать пять обязательных этапов. Так, с частью Восточной Азии, а именно — Юго-Восточной Азией (АСЕАН), Китай уже реализовал интеграционную программу первого этапа. 1 января 2010 г. было подписано соглашение о зоне свободной торговли, в результате чего были ликвидированы все тарифные и нетарифные барьеры. Вышеназванное соглашение касается не только торговли промышленными товарами, но и прогрессирующей либерализации экспортно-импортных сделок в сельскохозяйственной сфере. Пекин не зря запустил восточноазиатскую интеграцию, начав с формирования зоны свободной торговли, поскольку эта форма интеграции обеспечивает стабильный и предсказуемый характер торгового сотрудничества стран-участниц.

Следующим этапом интеграции в Восточной Азии китайское руководство видит формирование таможенного союза. В КНР таможенный союз рассматривается как форма коллективного протекционизма. Китайская интеграционная модель для Вос-

точной Азии предполагает введение во внутрирегиональной торговле единой таможенной территории при полной отмене таможенных пошлин и создание единого внешнего таможенного тарифа. Дальнейшие шаги направлены на создание общего рынка восточноазиатских государств, который постепенно по мере вызревания будет перерастать в единое экономическое пространство со свободным перемещением товаров и услуг между странами-участниками. Китайская интеграционная модель в ее нынешнем виде фактически не затрагивает такой ключевой вопрос, как свободное перемещение человеческих ресурсов, поскольку в правительстве КНР опасаются на ранней стадии будировать озабоченность соседних восточноазиатских государств в отношении притока многочисленной китайской рабочей силы (Security in East Asia, 1984: 96).

По оценкам международных экспертов, китайская интеграционная модель — это и есть «новый регионализм» для Восточной Азии, имеющий реальную предпосылку стать достаточно привлекательным. В Восточноазиатском регионе присутствует одна существенная особенность, которая делает интеграцию здесь менее политически сложной по сравнению с другими районами мира. Этой особенностью является отсутствие в Восточной Азии жесткой конкуренции между великими державами за экономическое доминирование (Webber, 2007). Судя по всему, западные державы смирились с монополизацией Китаем, Японией и Республикой Корея местного рынка, где они скорее договариваются между собой, нежели противостоят друг другу. Не вызывает сомнения, что мощным примиряющим фактором восточноазиатского экономического пространства выступает АСЕАН.

ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Юго-Восточная Азия наглядно показала и убедительно доказала, что большая часть деловой активности мира в XXI в. будет концентрироваться в Восточноазиатском регионе. Иными словами, это уже не предположительный прогноз относительно временных и пространственных изменений, а существенное и целенаправленное воздействие на формирующийся мировой порядок. Региональная интеграция в Восточной Азии стимулировала создание здесь обширного экономического пространства. В настоящее время восточноазиатские государства, по сути дела, поставлены перед сложным выбором, когда необходимо решать: создавать ли свою собственную региональную систему политической безопасности либо продолжить делегировать США право определять параметры суверенитета местных независимых стран. Выбор региональной системы безопасности возможен только при условии, когда государства Северо-Восточной Азии, не имеющие постоянно действующих субрегиональных межрегиональных структур, должны будут активнее взаимодействовать со странами Юго-Восточной Азии, перенимая их интеграционный опыт (Stubbs, 2002: 449).

Анализ развивающегося процесса восточноазиатской интеграции показывает, что начинает проявляться новая тенденция развития региона, ориентированная на образование здесь единого экономического блока, в основе становления которого заключены антиамериканские настроения. Названный процесс в обозримой перспективе ведет к фундаментальным геополитическим изменениям, когда пространство Восточной Азии будет развиваться опережающими темпами.

Восточноазиатская экономическая интеграция также затрагивает и национальные интересы России, которая должна будет добиваться уже на нынешней стадии достойного места в рождающемся сообществе (Öjendal, 1997: 46). Но одной политической во-

ли недостаточно — российская экономика должна стать объективно интересной восточноазиатским государствам. Вместе с тем трудно рассчитывать на успех в расширении регионального интеграционного сотрудничества в рамках неустойчивой военно-политической обстановки. Устойчивость процессу может придать активное межгосударственное взаимодействие на двусторонней основе, и особенно на уровне региональных международных организаций (Väyrynen, 2003: 34).

Политическая безопасность в Восточной Азии на нынешнем этапе развития ситуации в регионе выглядит весьма неубедительной. В данной связи на повестку дня встают вопросы не только теоретического осмысления, но и практической реализации этой проблемы. Регион Восточной Азии вполне можно обозначить как экономически взаимозависимую территорию, связанную активной внутрирегиональной торговлей, создающей серьезную материальную основу межгосударственных взаимоотношений. Вместе с тем здесь практически отсутствует политическая взаимозависимость государств, поскольку отсутствуют системы межнациональных и межправительственных институтов. Государства Восточной Азии в первую очередь связывает устойчивое философское содержание взаимоотношений в данном регионе как особой ойкумены с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением (The world we are entering ... , 2002: 72).

Что касается политической взаимозависимости государств Восточной Азии, то она базируется прежде всего на постепенном превращении региона в глобальную промышленную фабрику. С экономической точки зрения это не что иное, как общерегиональная модель «догоняющего» развития. Именно процессы формирования единого рынка в Восточной Азии стимулировали первые зачатки региональных политических связей, оформляющих создание устойчивых производственных цепочек, постепенно превращающихся в систему конкурентных преимуществ восточноазиатских государств, осознанного укрепления их взаимного экономического сотрудничества. В отличие от практики Западной Европы Восточная Азия с самого начала не пошла по пути торговой либерализации, а сделала ставку на финансовое сотрудничество в виде соглашений, имевших основной целью противодействие финансовым кризисам (Katada, 2012). Правительствами восточноазиатских государств были приняты исключительно важные политические решения о начале поиска формулы введения азиатской валютной единицы ACU (Asia currency unit).

Региональная политическая безопасность в Восточной Азии имеет сегодня вполне отчетливую тенденцию к воздействию на безопасность и стабильное развитие мирового сообщества в целом. Восточноазиатский регион последовательно превращается в мощную глобальную силу как один из самых динамично развивающихся районов планеты. Практически все проблемы восточноазиатской безопасности все более структурируются вокруг Китая, который ускоренным становлением своей современной государственности объективно способствует перемещению мировой экономической и политической оси с Запада на Восток. Китайская парадигма роста создает условия, когда Восточная Азия начинает выступать в качестве основного динамичного фактора, стимулирующего устойчивую тенденцию к превращению региона в реальный «локомотив» развития глобальной экономики и политики (Верхолюмов, 2012: 11). В то же время обстановка в Восточной Азии отличается сложным переплетением позитивных и негативных политических тенденций.

Диалектика восточноазиатского политического процесса все более вносит в повестку дня острые вопросы политической безопасности. Последняя во многом опреде-

ляется жестким столкновением в данной части мира политических интересов США, Китая, Японии и России, происходящим на фоне нарастающего американо-китайского соперничества за региональное лидерство. Это подпитывается выбросами негативной энергии из тлеющих очагов напряженности, порожденными в одних случаях межгосударственным политическим противостоянием (Корейский полуостров, Тайвань), в других случаях — неурегулированными территориальными спорами (между Японией и Россией, Японией и Китаем, Японией и Республикой Корея). Подобная ситуация весьма опасна, особенно в условиях отсутствия в регионе общепризнанной структуры безопасности, которая позволила бы не только обсуждать политические проблемы, но и принимать по ним адекватные решения, обязательные для всех участников регионального диалога (Overholt, 2009: 28). Можно констатировать, что в политическом отношении Восточная Азия представляет собой сегодня некое «разорванное пространство», где каждая из великих держав, таких как США, КНР, Япония и Россия, пытается преследовать исключительно национальные интересы, ставящие главной целью обеспечение выживаемости и собственной безопасности, не считаясь с интересами других государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, скажем о том, что регионализм и регионализация в Восточной Азии скорее всего во многом определяются реальным содержанием российско-китайского регионального взаимодействия. В данной проблеме присутствуют три аспекта, суть которых сводится к следующему: во-первых, Россия не должна рассматривать бурный рост Китая в качестве угрозы российским национальным интересам на Дальнем Востоке; во-вторых, важно, что Китай разделяет российское видение формирующегося нового регионального и глобального миропорядка; в-третьих, достигнутый беспрецедентно высокий уровень доверия между РФ и КНР позволяет рассчитывать на позитивное развитие в Восточной Азии политических процессов, связанных с укреплением регионализма и углублением регионализации (Xinbo, 2009). Названные тенденции системно и позитивно влияют на относительную стабильность политической ситуации в Восточноазиатском регионе и достаточный уровень безопасности в отношениях региональных государств. В условиях трансформации России и Китая в «ответственные великие державы» это подтверждает неразрывность внешней и внутренней политики обеих стран, подчиненных исключительно целям национального развития, а значит, дающих дополнительный стимул для становления успешного регионализма и эффективной регионализации на просторах Восточной Азии.

Тем не менее для восточноазиатской безопасности сохраняются два вида рисков: традиционные и нетрадиционные. К традиционным рискам можно отнести чисто военные угрозы, включая распространение ядерных и обычных вооружений; к нетрадиционным рискам тяготеют терроризм, пиратство, транснациональная преступность, экологические и природные катаклизмы, техногенные катастрофы, наркотрафик, незаконная миграция, проблемы энергетической, продовольственной безопасности. На сегодняшний день в Восточной Азии сложилось два принципиальных подхода к национальной безопасности, а именно модель, основанная на российско-китайских политических инициативах по сохранению стабильности в регионе, а также устоявшаяся американоцентричная модель двусторонних военно-политических союзов с участием США, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии (Samroux, 2007). В первом случае мы имеем дело прежде всего с Российско-китайским до-

говором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., в котором всего лишь прописана возможность двусторонних консультаций на случай обострения региональной ситуации. Во втором случае явно прослеживается стремление США создать в Восточной Азии формат устойчивого военно-политического сотрудничества, когда в перспективе должна быть сформирована жесткая система планирования конкретных действий вооруженных сил стран региона под полным американским командованием.

Таким образом, восточноазиатские регионализм и регионализация оказываются под серьезным воздействием двух прямо противоположных точек зрения на последующее развитие Восточной Азии, когда диалектика геополитического противостояния на региональном уровне может вывести противоречия между двумя вышеизложенными точками зрения на глобальный уровень. Россия в этом случае окажется в весьма непростой ситуации, так как, с одной стороны, политическое значение российско-китайского взаимодействия будет неуклонно увеличиваться, а с другой стороны — всегда сохранится вероятность китайского выбора в пользу приоритетных отношений с США в случае, если этого настоятельно потребуют национальные интересы КНР (Wan, 2010). В результате все будет зависеть от уровня вовлеченности России и Китая в восточноазиатскую региональную интеграцию, ибо для российской внешней политики на Дальнем Востоке важнейшим трендом является регионализм в виде надежного подключения к многостороннему формату межправительственного сотрудничества в Восточной Азии. Китай же решает несколько иную задачу, пытаясь через механизмы регионализации полностью закрепить за собой политическое лидерство и экономическое доминирование в зоне АСЕАН (Globalization and the new regionalism, 2001: 70). Большинство международных экспертов считают, что США вряд ли окажутся способными утвердить свои национальные приоритеты в Восточной Азии, поскольку этот регион, как никакой другой, является давно сложившейся цивилизационной общностью со своими собственными интересами, которые в институциональном плане все более начинают совпадать с национальными интересами КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова, Н. А., Абрамов, В. А. (2006) Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия — Китай — Монголия. Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество : мат. междунар. науч.-практ. конф. Чита, 18–20 октября 2006 г. Чита : ЧитГУ. 286 с. С. 75–83.

Верхолюмов, С. А. (2012) «Управляемая глобализация» в Восточной Азии // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. № III-2 (11). С. 8–12.

Фунабаси, Ё. (2012) Азия на тогоча [Азиатская интеграция] // Пацифику Рэбю [Pacific Review]. № 4. С. 319–332. (На яп. яз.).

Ямакагэ, С. (2013) Атарасий тиикисюги но доко [Тенденция нового регионализма]. [Токио] : Токё дайгаку сьоппан ; Кокусай кэнкю рэбю (Изд-во Токийского гос. ун-та ; Международное исследовательское обозрение). 10 с. (На яп. яз.).

Albertin, G. (2008) Regionalism or multilateralism? A political economy choice : IMF Working Paper, WP/08/65. [Washington, D.C.] : International Monetary Fund. 26 p.

Athukorala, P., Yamashita, N. (2006) Production fragmentation and trade integration: East Asia in a global context // The North American Journal of Economics and Finance. Vol. 17. No. 3. P. 233–256.

Baldwin, R. (2008) Big-think regionalism: A critical survey. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research. 43 p.

Baldwin, R. (2014) Multilateralising 21st century regionalism : OECD conference report / Global Forum on Trade Reconciling Regionalism and Multilateralism in a Post-Bali World. Paris, February 11–12, 2014. Paris. 46 p.

Byung-Joon, A. (2004) The rise of China and the future of East Asian integration // Asia-Pacific Review. Vol. 11. No. 2. P. 18–35. DOI: 10.1080/1343900042000292524

Camroux, D. (2007) 'Asia, whose Asia?' Evolving conceptions of an Asian Community from the 1920s till today // The evolution of regionalism in Asia: Economic and security issues / ed. by H. Dieter. L. ; N. Y. : Routledge. xvi, 207 p. P. 11–33.

Globalization and the new regionalism (2001) / ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel ; foreword by G. A. Cornia. Basingstoke ; L. : Macmillan ; N. Y. : St. Martin's Press. 270 p.

Hatch, W., Yamamura, K. (1996) Asia in Japan's embrace: Building a regional production alliance. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press. 281 p.

Hentz, J., Bøås, M. (2003) New and critical security and regionalism : Beyond the nation state. Aldershot : Ashgate. 216 p.

Katada, S. N. (2012) Seeking a place for East Asian regionalism: Challenges and opportunities under the global financial crisis // The Pacific Review. Vol. 24. No. 3. P. 273–290. DOI: 10.1080/09512748.2011.577235

Lawrence, R. (1999) Regionalism, multilateralism and deeper integration: Changing paradigms for developing countries // Trade rules in the making: Challenges in regional and multilateral negotiations / ed. by M. R. Mendoza, P. Low, B. Kotschwar. Washington, D. C. : Organization of American States ; Brookings Institution Press. 546 p. P. 23–46.

Mansfield, E., Reinhardt, E. (2003) Multilateral determinants of regionalism: The effects of GATT/WTO on the formation of preferential trading arrangements // International Organization. Vol. 57. No. 4. P. 829–862.

Öjendal, J. (1997) Regionalization in East Asia Pacific? An elusive process. Helsinki : UNU World Institute for Development Economics Research (UNU/WIDER). 57 p.

Overholt, W. (2009) Asia, America, and the transformation of geopolitics. Cambridge : Cambridge University Press. 322 p.

Security in East Asia (1984) / ed. by R. O'Neill. Aldershot : Gower Publishing House. 195 p.

Stubbs, R. (2002) ASEAN plus three: Emerging East Asian regionalism? // Asian Survey. Vol. 42. No. 3. P. 440–455.

Szczudlik-Tatar, J. (2013) Regionalism in East Asia: A bumpy road to Asian integration / PISM Policy Papers, no. 16 (64). Warsaw : The Polish Institute of International Affairs. 7 p.

The world we are entering: 2000–2050 (2002) / ed. by I. Wallerstein, A. Clesse. Amsterdam : Dutch University Press. 275 p.

Väyrynen, R. (2003) Regionalism: Old and new // International Studies Review. Vol. 5. No. 1. P. 25–51. DOI: 10.1111/1521-9488.501002

Wan, M. (2010) The great recession and China's policy toward Asian regionalism // Asian Survey. Vol. 50. No. 3. P. 520–538.

Webber, D. (2007) Trade and security in East Asia: Political (non-?) integration in an insecure region // The evolution of regionalism in Asia: Economic and security issues / ed. by H. Dieter. L. ; N. Y. : Routledge. 207 p. P. 145–159.

Winters, L. A. (1996) Regionalism versus multilateralism : CERP Discussion Paper. Washington, D.C. : World Bank, International Economics Dept., International Trade Division. 70 p.

Xinbo, W. (2009) Chinese perspectives on building an East Asian community in the twenty-first century // Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community / ed. by M. J. Green, B. Gill. N. Y. : Columbia University Press. 382 p. P. 55–77.

Дата поступления: 4.03.2015 г.

REGIONALISM AND REGIONALIZATION IN EAST ASIA

V. I. BALAKIN

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In the last decade researchers have begun to use the concept of “new regionalism” to describe political and socioeconomic developments in East Asia. Typical for the East Asian “new regionalism” are the exceptionally complex relations between big powers both within the region and on the global level. We can also see here a dialectical correlation of regionalism and regionalization.

Another characteristic of East Asian regionalism is a conscious state policy to promote deep regional cooperation devoid of any external influence — a process supported by the two largest powers in the region, China and Japan. Regionalization is viewed as a kind of “filler” for regional developments. In particular, it stimulates a closer economic interdependence of regional economies, consolidation of their business ties and building a common civilizational identity.

The concept of regional integration in East Asia largely focuses on intergovernmental cooperation and institution-building. East Asian states make use of commercial and investment activity of non-governmental parties to help shape favorable political conditions to minimize the possibility of political conflicts.

Western experts often view the East Asian model of regionalism as a conspicuous stage in the destruction of American globalization model which, in its turn, rejects any successful attempts at regional integration. China has achieved decisive influence on East Asian regionalization. This power aims to build an integrated regional system, primarily in economic and cultural spheres, and not touching the political and military aspects of the future integration.

The analysis of how East Asian integration has developed so far reveals the rise of a new tendency towards building a new economic bloc based on increasingly anti-American feelings. In the foreseeable future this can bring about fundamental geopolitical changes, speeding up East Asian regional development. Economic integration in the region also touches Russia's national interests. Russia has to start looking for a decent place in the rising regional community, with its economy becoming genuinely attractive for East Asian states.

Keywords: East Asia, regional integration, new regionalism, regionalization, ASEAN, China, Japan, USA.

REFERENCES

Abramova, N. A. and Abramov, V. A. (2006) *Teoriia «novogo regionalizma» v issledovaniakh kitaiskikh uchenykh* [The theory of “new regionalism” in Chinese researchers' studies]. *Transgranich' e v izmeniaiuschchiesia mire: Rossiia — Kitai — Mongoliia. Teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie fenomena transgranich' ia, regional' naia ekonomika, mezhddunarodnoe sotrudnichestvo* [The transborder area in the varied world: Russia — China — Mongolia. Theoretical and methodological conceptualization of the phenomenon of transboudedness, regional economy, international cooperation] : Proceedings of the International research-to-practice conference. Chita, October 18–20, 2006. Chita, Chita State University Publ. 286 p. Pp. 75–83. (In Russ.).

Verkholomov, S. A. (2012) «Upravliaemaia globalizatsiia» v Vostochnoi Azii [“Controlled globalization” in East Asia]. *Uchenye zapiski Komsomol' skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. III-2 (11), pp. 8–12. (In Russ.).

Funabashi, Y. (2012) *Ajia no togoka* [Asian integration]. *Pacific Review*, no. 4, pp. 319–332. (In Jap.).

Yamakage, S. (2013) *Atarashii tiikishugi no doko* [The trend of new regionalism tendency]. Tokyo, Tokyo daigaku shuppan ; Kokusai kenkyu review. 10 p. (In Jap.).

Albertin, G. (2008) *Regionalism or multilateralism? A political economy choice* : IMF Working Paper, WP/08/65. [Washington, D.C.], International Monetary Fund. 26 p.

Athukorala, P. and Yamashita, N. (2006) Production fragmentation and trade integration: East Asia in a global context. *The North American Journal of Economics and Finance*, vol. 17, no. 3, pp. 233–256.

Baldwin, R. (2008) *Big-think regionalism: A critical survey*. Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research. 43 p.

Baldwin, R. (2014) *Multilateralising 21st century regionalism* : OECD conference report / Global Forum on Trade Reconciling Regionalism and Multilateralism in a Post-Bali World. Paris, February 11–12, 2014. Paris. 46 p.

Byung-Joon, A. (2004) The rise of China and the future of East Asian integration. *Asia-Pacific Review*, vol. 11, no. 2, pp. 18–35. DOI: 10.1080/1343900042000292524

Camroux, D. (2007) 'Asia, whose Asia?' Evolving conceptions of an Asian Community from the 1920s till today. In: *The evolution of regionalism in Asia: Economic and security issues* / ed. by H. Dieter. London ; New York, Routledge. 207 p. Pp. 11–33.

Globalization and the new regionalism (2001) / ed. by B. Hettne, A. Inotai and O. Sunkel ; foreword by G. A. Cornia. Basingstoke ; London, Macmillan ; New York, St. Martin's Press. 270 p.

Hatch, W. and Yamamura, K. (1996) *Asia in Japan's embrace: Building a regional production alliance*. Cambridge ; New York, Cambridge University Press. 281 p.

Hentz, J. and Bøås, M. (2003) *New and critical security and regionalism : Beyond the nation state*. Aldershot : Ashgate. 216 p.

Katada, S. N. (2012) Seeking a place for East Asian regionalism: Challenges and opportunities under the global financial crisis. *The Pacific Review*, vol. 24, no. 3, pp. 273–290. DOI: 10.1080/09512748.2011.577235

Lawrence, R. (1999) Regionalism, multilateralism and deeper integration: Changing paradigms for developing countries. In: *Trade rules in the making: Challenges in regional and multilateral negotiations* / ed. by M. R. Mendoza, P. Low and B. Kotschwar. Washington, D. C., Organization of American States ; Brookings Institution Press. 546 p. Pp. 23–46.

Mansfield, E. and Reinhardt, E. (2003) Multilateral determinants of regionalism: The effects of GATT/WTO on the formation of preferential trading arrangements. *International Organization*, vol. 57, no. 4, pp. 829–862.

Öjendal, J. (1997) *Regionalization in East Asia Pacific? An elusive process*. Helsinki, UNU World Institute for Development Economics Research (UNU/WIDER). 57 p.

Overholt, W. (2009) *Asia, America, and the transformation of geopolitics*. Cambridge, Cambridge University Press. 322 p.

Security in East Asia (1984) / ed. by R. O'Neill. Aldershot, Gower Publishing House. 195 p.

Stubbs, R. (2002) ASEAN plus three: Emerging East Asian regionalism? *Asian Survey*, vol. 42, no. 3, pp. 440–455.

Szczudlik-Tatar, J. (2013) *Regionalism in East Asia: A bumpy road to Asian integration* / PISM Policy Papers, no. 16 (64). Warsaw : The Polish Institute of International Affairs. 7 p.

The world we are entering: 2000–2050 (2002) / ed. by I. Wallerstein and A. Clesse. Amsterdam, Dutch University Press. 275 p.

Väyrynen, R. (2003) Regionalism: Old and new. *International Studies Review*, vol. 5, no. 1, pp. 25–51. DOI: 10.1111/1521-9488.501002

Wan, M. (2010) The great recession and China's policy toward Asian regionalism. *Asian Survey*, vol. 50, no. 3, pp. 520–538.

Webber, D. (2007) Trade and security in East Asia: Political (non-?) integration in an insecure region. In: *The evolution of regionalism in Asia: Economic and security issues* / ed. by H. Dieter. London ; New York, Routledge. 207 p. Pp. 145–159.

Winters, L. A. (1996) *Regionalism versus multilateralism* : CERP Discussion Paper. Washington, D. C., World Bank, International Economics Dept., International Trade Division. 70 p.

Xinbo, W. (2009) Chinese perspectives on building an East Asian community in the twenty-first century. In: *Asia's new multilateralism: Cooperation, competition, and the search for community* / ed. by M. J. Green, B. Gill. New York, Columbia University Press. 382 p. Pp. 55–77.

Submission date: 4.03.2015.

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений и туризма Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-90. Эл. адрес: viacheslavbalakin@rambler.ru

Balakin Vyacheslav Ivanovich, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Regional Studies, Faculty of International Relations and Tourism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-90. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru